

Костик встретил меня словами:
— Что лучше — семь дырок в голове или тюрьма?
Я смотрел на него во все глаза и от радости не мог сосредоточиться.
— Семь дырок или тюрьма? — тербил он.
— Тюрьма, — решил я.
— А вот и нет! — засмеялся Костик. — Смотри — два глаза, два уха, ноздри, рот — семь!
— А это что? — Он нарисовал две противоположные приставленные одна к другой, стрелы.
— Две стрелы, — ответил я, не понимая, что тут может быть непонятного.
— Гроб! — победоносно произнёс Костик, быстро пририсовав к стрелам палочки снизу и сверху.
— А как старухе попасть к старику? Старуха в деревне, старик в могиле. Между деревней и могильником постоянно ходят поезда. Как?
И, не дождавшись моего ответа:
— Старухе нужно броситься под поезд!
— А можешь быстро «На дворе — трава, на траве — дрова»? — продолжал Костик, тоже радуясь встрече. — А ещё быстрее можешь? Вот так...
Мы жили по соседству. Приезжая из интерната на каникулы, Костик привозил новые загадки, игры,

— Ого! Дзот! — огляделся Костик.
— Что такое — дзот?
— Долговременная защищённая огневая точка! — Костик вновь удивил меня своими познаниями.
В шалаше уютно пахло соломой. Сквозь «окно» — дырку в передней стенке — мир снаружи казался тихим и новым. Костик рассказывал недавно увиденный фильм про нашего разведчика, который должен был выдать себя за белогвардейца. Лицо белогвардейца пересекал шрам. У разведчика шрама не было. Пришлось рубануть саблей. «Руби! Для дела!» — передавал Костик решительный голос разведчика. «Дзот», — играл я с новым словом. Вдруг меня осенило. «У меня есть пулемёт!» — я опрометью бросился наружу. Скоро я втащил в шалаш сделанный мной из дерева «Максим».
Кургузый нос пулемёта мы сунули в амбразуру окна. «Ты-ды-ды-ды! Ты-ды-ды-ды!» — застрочил Костик, как это не раз мы видели в кино. «Конница!» — вдруг крикнул он. Пулемёт яростно задрожал: «Ты-ды-ды-ды! Ты-ды-ды-ды! Патроны! Давай патроны!». Наконец, пулемёт замолк. «Отбили!» — произнёс Костик с облегчением.

механизм. Сердце ныло от невозможности что-нибудь открыть голыми руками. Больше всего притягивала к себе узкая вертикальная панель с четырьмя «часиками»-приборами. Два из них имели чудесные циферблаты из трёх секторов — белого, зелёного и красного. На одном было написано «Вода», на другом — «Масло». Я сразу подумал о нашем «самолёте».
Несколько дней я только заходил и смотрел — целы ещё приборы или нет. Наконец, пока мои товарищи крутили барабан, я отломал идущие к приборам медные трубки, оторвал провода и стал, насколько мог быстро, гнуть панель взад-вперёд. Скоро металл переломился. Не веря своему счастью, я сунул панель под пальто.левой рукой через карман я прижимал её к груди и так, не спябаясь, шёл до самого дома. Даже мои товарищи ничего не заметили. Теперь оставалось как-то встроить эти приборы в «самолёт».
Зима скрывала шалаш под снегом. И хотя разрыть снег не составляло труда, почему-то зимой не было желания играть в лётчиков. Зимой мы катались на лыжах. Что-то подталкивало искать самые крутые и опасные горки, соревноваться — «А ты съедешь?». Поэтому лыжи редко у кого не

Я ещё барахтаюсь в снегу, когда мимо, упруго согнув ноги в коленях, зажав подмышками палки, вихрем пронесится Шурик Царьков. Он далеко катится по равнине, разворачивается и с победным возгласом машет над головой палкой. Вслед по проторенной им лыжне срываются Толик Аникеев, Витя Будувёв, Сергей Чернов. Его одноклассник Саша Чернов, он же Финал, не удержавшись на ногах в конце спуска, на полной скорости проделывает в снегу глубокую канаву. Вновь оглушительный хохот. Другие, как и я, на первом спуске падают ещё на склоне.
Скоро весь склон покрыт лыжными трассами. Внизу опять нагребли снег, чтобы построить трамплин — просто ездить стало неинтересно. Редко кто преодолевал трамплин без падений, от этого за трамплином образовалась глубокая яма.
Возвращались по занесенной снегом речке. Зимний день начал синеть. Весь промокий и замёрзший вваливаюсь в дом. Кое-как избивавшись от заледенелой одежды, оставив её на попечение бабки, лезу на печку, прижимаюсь

растущих груши и яблони, был устроен романтический шалаш из старых досок. Славик соорудил его ещё будучи старшекласником. В шалаше помещалась только жаркая кровать, до сих пор остававшаяся там. Доски-то и держались только потому, что опирались на кровать. Славик был старше меня лет на десять. Он стоял у шалаша, словно мореплаватель, вернувшийся к родному берегу. Даже издали была видна его белозубая улыбка. Служить Славика призвали в Германию. Я видел его фотографии, на которых он, авиатехник, стоял у самолёта-истребителя. Славик остался на сверхсрочную и раз в год приезжал в отпуск. «Славик приехал!» — радостно закричал Костик и через бурьян, через изгородь и картофельные грядки бросился к Славiku. Мне тоже хотелось побегать с ним, увидеть Славика, рассмотреть шалаш, всегда привлекавший моё внимание. Но я постеснялся, понимая, что Славiku интересен Костик.
Я и сам бросал свой «самолёт», если видел, как по той стороне деревни катят к речке здоровенную камеру от «Белоруса». За ней, всё прибывая, вприпрыжку бежит ватага моих товарищей. Значит, вода будет кипеть от борьбы за «плавсредство», будут играть в салочки в воде и нырять — кто дальше? — с «нырялки», закреплённой на ольхе доски. Костик и здесь привносил азарт, выдумку, ловкость. В солнечную погоду мы целые дни проводили на речке.

Геннадий МИШАКОВ Давай станем лётчиками!

Рассказ

рассказы о прочитанных книгах и увиденных фильмах. От него я узнал и «Садника без головы», и «Человека-невидимку», и «Человека-амфибии». В ненастные дни мы часами резались в воздушный бой. В школьной тетрадке, вверху и внизу, рисовали два ряда коротких стрелок — самолёты, свои и противника. Нужно было, уперев острый карандаш в свою стрелку, пустить его так, чтобы он протертил длинную траекторию. На её конце рисовалась новая стрелка. Если твоя траектория пересекала траекторию противника, его истребитель считался сбитым. Исчерченную страницу Костик мастерски превращал в бумажный самолётик, который стрелой летел прямо и далеко. С меньшим увлечением играли в буквы — нужно было отгадать слово, зашифрованное прочерками между первой и последней буквами. За ошибочные буквы рисовались палочки, из которых неотвратимо выстраивалась виселица.

Однажды из-за простуды я долго не выходил на улицу. Я сидел за обеденным столом и, кусая карандаш, думал, что нарисовать. Неожиданно пришёл Костик. По моей просьбе он нарисовал танк и самолёт, у него они получались, как настоящие. Потом спросил:

— У тебя есть карты?
— Карты? Нету...
— Бумага есть?
Я протянул свою тетрадь.
— Это не пойдёт, — сказал Костик и взял в руки книжку-складень «Зимовье животных». — Давай сделаем из неё?

Я охотно согласился, сгорая от нетерпения увидеть, как он будет делать карты. Костик быстро разорвал книжку по сгибам и стал терпеливо отрывать от основы раскрашенные верхний и нижний слои. Получилось несколько шершавых картонок. Я принёс ножницы. Костик разрезал картонки на аккуратные прямоугольнички. «Это вина, — объяснял он, разрисовывая попучившиеся карточки цветными карандашами. — Это крести. Теперь черви и буби». Обрывки книжки я скомкал и бросил в уголок печи, куда обычно бросали бумажки и щепочки для растопки.

Игра в «Пяницу» оказалась захватывающей. Костик сопровождал её живыми комментариями: «Ого, сколько привалило! Бери-бери, не жалко!». Или: «На лапу! На ла-а-пу!» — что вызывало во мне неудержимый смех, несмотря на то что я проигрывал. В следующий раз он показал игру в «овечку», и мы стали резаться то в «пяницу», то в «овечку».

Фантазия Костика легко превращала фарфоровые ролики для электропроводки в отборную армию солдат. Впрочем, в солдатки шло всё, что находилось в моей картонной коробке — болты, гайки, конические ролики от тракторного подшипника, металлические шутики, которым трудно дать названия и которые я где-то подбирал и клал в коробку.

Выстроив две армии — нашу и немецкую, — Костик начинал разыгрывать сражение. Вот фашистский генерал — замысловатая железзячка, поставленная на толстую шабуй, — надменно отдаёт приказ наступать. «Шнеле! Шнеле!» — карикатурно, словно на стадо баранов, кричит Костик на вражескую армию от имени генерала. Болты и гайки приходят в движение. Русские — фарфоровые ролики — дают залп, сразу повалив половину фашистского железа. Затем переходят в контрнаступление, охватывая врага с флангов. Всё это я узнаю из сопроводительных слов и звуков Костика. Наконец, пущенная нашими тяжёлая гайка-бомба сбивает фашистского генерала с его подставки. С позорным грохотом, который Костик виртуозно изображает ртом, генерал покатился по доскам казёнка...

— А у меня есть шалаш! — не вытерпел я. — Пошли, покажу!

Мы вышли на улицу в ясный осенний день. Через незаметный лаз мы оказались в соломенной пещере под скирды свежей соломы.

и рёв моторов, и яростную пулемётную стрельбу. Вдруг помертвевшим голосом закричал: «Мессер-ри!». У меня по коже побежали мурашки. «Газ! Пикируй! Заходим в хвост!» — «Прикрой, атакуй!» — «Ты-ды-ды! Ты-ды-ды! Не уйдёшь, гад! Газ! Ты-ды-ды... Горит «Мессер-ри!». «Кость, а у нас какой самолёт?» — спросил я между атаками. — «У нас ЯК! ЯК-3».

В последующие дни мы сражались с «Мессерами», «Фоккерами» и «Хейнкелями». Костик был неистощим на выдумки. У нас кончались патроны, горячее, мы шли на таран. Нам подбивали, и мы выпрыгивали из горящего самолёта с парашютом.

— Давай станем лётчиками! — сказал я Костiku в предпоследний день каникул, назавтра ему нужно было возвращаться в интернат.

— Давай! — поддержал он. — Лётчиками-истребителями!

Мне было девять, а Костiku тринадцать. Небо над нашей деревней часто полосовали реактивные самолёты с военного аэродрома Шайковка. Порой откуда-то сверху раздавался оглушительный воздушный удар. От взрослых я слышал, его порождает сверхзвуковой самолёт. От слов «сверхзвуковой» и «лётчик-истребитель» захватывало дух. Иногда одиночный след начинался у горизонта и тянулся всё выше-выше. В самой вышине едва можно было разглядеть маленький серебристый самолётик. Трудно было поверить, что там сейчас бьётся сердце живого человека!

В Спасском, по пути в школу, мы каждый день проходили мимо молокозавода. От маленького деревянного здания всегда несло прокишим молоком. Когда молокозавод закрыли, мы, осмелев, стали его исследовать. Посреди зала стоял огромный дюралевый барабан. Мы по очереди забирались внутрь и просили его раскрутить. Меня в тесном закутке заворожил дизель-генератор. Глаза жадно ощупывали весь его прекрасный

рость, сразу круто начинался противоположный склон. Случалось, старшие в конце спуска ещё строили высокий трамплин. Недаром сердце чувствовало холодаки!

В поисках новых горок кто-нибудь говорил: «Давай на Езовленский!». Берег по ту сторону реки напротив деревни назывался Езовленский бок. Горки там были крутые, хотя и невысокие. После спуска с горки нужно было ещё прыгнуть с обрывистого берега и не угодить в полынью.

Раз два-три за зиму бросался клич: «На чугунный мост!». Чугунным называли железнодорожный мост через нашу речку недалеко от деревни. «На чугунный мост!» — и сердце охватывал смертельный трепет. Вообразить горку выше насыпи «чугунного моста» было уж совсем невозможно. Навверх вела деревянная поднижшая лестница.

Вот, опираясь на палки, все выстроились в ряд на бровке железной дороги. Под ногами нетронутый снег склона, деревья внизу выглядят небольшими кустиками. «Давай ты! Ты давай!» — похотывая, кивают друг на друга старшие — Шурик Царьков, Толик Аникеев, Сергей Чернов. Висят на палках, ёрзают лыжами по снегу и не торопятся.

Я загибнотизировано смотрю вниз. Склон не круче Черпачихиной, только выше, только скорость будет больше. Что-то подмывает меня опередить старших. С мгновенным пьянющим чувством я отталкиваюсь от бровки и неожиданно для всех, в полном молчании, лечу вниз. Шуршат по снегу лыжи, всё быстрее мелькают сухие верхушки прошлогодних трав. Весь сжавшись, ощущаю развязки и возмездия...

И падаю, испугавшись своей смелости! Снег забил рот и ноздри, так что перехватило дыхание. Оказывается, снег имеет вкус и запах. Снег проник в рукава и за шиворот, набился в валенки. Навверху раздаётся заслуженный гогот. Я чувствую смущение и досаду.

В новом «самолёте» вкусно пахло подсыхающей жкорой свежесрубленных деревьев. Костик одобрительно осматрелся. Мы надели «шлемофоны» — деревянные кружки, соединённые полосками жести. Я тронул ручки приборов, передвинул стрелки в зелёный сектор. Взял в руки штурвал — тяжёлое чуждое колесо от старого тракторного плуга. Костик взялся за пулемёт, энергичная складка на его лбу обещала новые необыкновенные выдумки. «Ты-ты-ды! Ты-ты-ды!» — пустил Костик пробную очередь. Вдруг послышался протяжный свист. Костик поднял голову. Свист повторился. Костик бросил пулемёт и по поясу высунулся в люк. Я услышал ответный свист Костика, а сквозь щели увидел на противоположной стороне деревни Толика Аникеева. Он призывно махал рукой. «Я сейчас!» — крикнул Костик.

Вернулся он большими прыжками: «Пошли в футбол!». Я поскунел ещё и от того, что не любил футбол. Я любил играть в войну, в прятки, в многочисленные салочки, в жмурки, в ножники, в лапту и ещё много во что, и только футбол вызывал у меня смертельную скуку.

В другой раз, начав «воздушный бой», мы почувствовали сильный удар в стенку со стороны картофельных огородов. Следом что-то глухо стукнулось о землю с другой стороны, по траве покатилося яблоко. Выбравшись наружу, на Пяношином огороде мы увидели Славика. Там, близко

к горячим кирпичам. Бабка гремит заслонкой, вытаскивает из печи чуноук, зовёт поесть «похлёбочки». Её голос полон сострадания. Я проголодался, но так не хочется покидать горячие кирпичи! Замерзшие пальцы колет, они плохо слушаются. И бабка, с трудом разогнувшись, протягивает мне дымящуюся тарелку похлёбки, забеленной молоком. Я спускаюсь на казёнку, принимаю тарелку, ложку и хлеб. Обедаю на печке и тут же засыпаю.

Всё же среди зимы я не забывал про наш «самолёт». Я снял приборы с панели и вделал в узкий фанерный ящик, рядом с каждым закрепил крупные деревянные ручки. В корпусах приборов просверлил отверстия, сквозь которые пропустил привязанные к стрелкам нитки. При вращении ручек нитка наматывалась на валик и стрелка двигалась. Эта работа заняла у меня всю зиму. Я предвкушал, как эти приборы украсят наш самолёт. Будет, как настоящий! Я с нетерпением стал ждать приезда Костика на летние каникулы.

Весной от скирды почти ничего не осталось, солома ушла на подстилку скотине. На это ушёл и мой шалаш. Я решил построить другой, не соломенный. Я вырубал из хвороста тонкие колышки и вбивал их в землю вплотную один к другому. В этот год я начал писать Костiku письма. «Пиши, — учила меня моя неграмотная бабка, — в первых строках спешу сообщить, что жив и здоров, чего и вам желаю». В конце письма я по совету бабки приписывал: «Жду ответа, как соловей летал!». На оставшемся месте рисовал самолёт. Письмо заклеивалось хозяйственным мылом, на конверте, там, где адрес, я выводил: «Бетликая школа-интернат...».

На следующий день приходила почтальонка Нюра Аникеева, приносила газеты, и письмо отдавалось ей для доставки адресату.

Костик писал, что скоро поедет в Артек. В следующем письме он рассказывал, как ехал на поезде до самого Севастополя, а перед Севастополем проезжали Симферополь. Незадолго до этого в наш магазин привезли бутылки с красивыми этикетками, на которых были нарисованы две яркие красные вишенки с зелёными листиками. Я отпил густую тёмно-красную жидкость и поперхнулся от чрезмерной сладости. «Это сироп, — сказала мать. — Его надо разбавлять водой!». Поэтому, когда из письма Костика я узнал слово Симферополь, мне представился ещё более густой сироп — Симферополь. На чистой страничке Костик нарисовал море, пальмы и Медведь-гору Аюдаг.

В новом «самолёте» вкусно пахло подсыхающей жкорой свежесрубленных деревьев. Костик одобрительно осматрелся. Мы надели «шлемофоны» — деревянные кружки, соединённые полосками жести. Я тронул ручки приборов, передвинул стрелки в зелёный сектор. Взял в руки штурвал — тяжёлое чуждое колесо от старого тракторного плуга. Костик взялся за пулемёт, энергичная складка на его лбу обещала новые необыкновенные выдумки. «Ты-ты-ды! Ты-ты-ды!» — пустил Костик пробную очередь. Вдруг послышался протяжный свист. Костик поднял голову. Свист повторился. Костик бросил пулемёт и по поясу высунулся в люк. Я услышал ответный свист Костика, а сквозь щели увидел на противоположной стороне деревни Толика Аникеева. Он призывно махал рукой. «Я сейчас!» — крикнул Костик.

Вернулся он большими прыжками: «Пошли в футбол!». Я поскунел ещё и от того, что не любил футбол. Я любил играть в войну, в прятки, в многочисленные салочки, в жмурки, в ножники, в лапту и ещё много во что, и только футбол вызывал у меня смертельную скуку.

В другой раз, начав «воздушный бой», мы почувствовали сильный удар в стенку со стороны картофельных огородов. Следом что-то глухо стукнулось о землю с другой стороны, по траве покатилося яблоко. Выбравшись наружу, на Пяношином огороде мы увидели Славика. Там, близко

к горячим кирпичам. Бабка гремит заслонкой, вытаскивает из печи чуноук, зовёт поесть «похлёбочки». Её голос полон сострадания. Я проголодался, но так не хочется покидать горячие кирпичи! Замерзшие пальцы колет, они плохо слушаются. И бабка, с трудом разогнувшись, протягивает мне дымящуюся тарелку похлёбки, забеленной молоком. Я спускаюсь на казёнку, принимаю тарелку, ложку и хлеб. Обедаю на печке и тут же засыпаю.

Всё же среди зимы я не забывал про наш «самолёт». Я снял приборы с панели и вделал в узкий фанерный ящик, рядом с каждым закрепил крупные деревянные ручки. В корпусах приборов просверлил отверстия, сквозь которые пропустил привязанные к стрелкам нитки. При вращении ручек нитка наматывалась на валик и стрелка двигалась. Эта работа заняла у меня всю зиму. Я предвкушал, как эти приборы украсят наш самолёт. Будет, как настоящий! Я с нетерпением стал ждать приезда Костика на летние каникулы.

Весной от скирды почти ничего не осталось, солома ушла на подстилку скотине. На это ушёл и мой шалаш. Я решил построить другой, не соломенный. Я вырубал из хвороста тонкие колышки и вбивал их в землю вплотную один к другому. В этот год я начал писать Костiku письма. «Пиши, — учила меня моя неграмотная бабка, — в первых строках спешу сообщить, что жив и здоров, чего и вам желаю». В конце письма я по совету бабки приписывал: «Жду ответа, как соловей летал!». На оставшемся месте рисовал самолёт. Письмо заклеивалось хозяйственным мылом, на конверте, там, где адрес, я выводил: «Бетликая школа-интернат...».

На следующий день приходила почтальонка Нюра Аникеева, приносила газеты, и письмо отдавалось ей для доставки адресату.

Костик писал, что скоро поедет в Артек. В следующем письме он рассказывал, как ехал на поезде до самого Севастополя, а перед Севастополем проезжали Симферополь. Незадолго до этого в наш магазин привезли бутылки с красивыми этикетками, на которых были нарисованы две яркие красные вишенки с зелёными листиками. Я отпил густую тёмно-красную жидкость и поперхнулся от чрезмерной сладости. «Это сироп, — сказала мать. — Его надо разбавлять водой!». Поэтому, когда из письма Костика я узнал слово Симферополь, мне представился ещё более густой сироп — Симферополь. На чистой страничке Костик нарисовал море, пальмы и Медведь-гору Аюдаг.

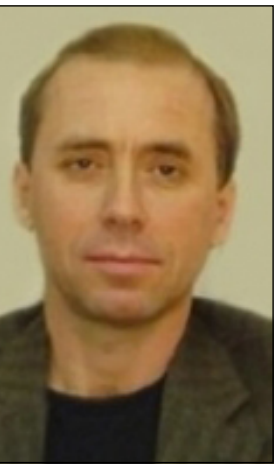
В новом «самолёте» вкусно пахло подсыхающей жкорой свежесрубленных деревьев. Костик одобрительно осматрелся. Мы надели «шлемофоны» — деревянные кружки, соединённые полосками жести. Я тронул ручки приборов, передвинул стрелки в зелёный сектор. Взял в руки штурвал — тяжёлое чуждое колесо от старого тракторного плуга. Костик взялся за пулемёт, энергичная складка на его лбу обещала новые необыкновенные выдумки. «Ты-ты-ды! Ты-ты-ды!» — пустил Костик пробную очередь. Вдруг послышался протяжный свист. Костик поднял голову. Свист повторился. Костик бросил пулемёт и по поясу высунулся в люк. Я услышал ответный свист Костика, а сквозь щели увидел на противоположной стороне деревни Толика Аникеева. Он призывно махал рукой. «Я сейчас!» — крикнул Костик.

Давным-давно работающие в одном отделе предприятия Глеб и Марина вместе возвращались летним вечером по домам. Случалось это довольно часто — жили они неподалёку друг от друга.

Торопливо проскочив несколько загруженных перекрёстков, нырнули в большой городской парк, смыкающийся на краю с пригородным лесом. Уличный путь восвосяи был наинного короче, но он и она, вместе или порознь, предпочитали обыкновенно идти парком: прогуляться после офисного сидения под густо стоящими высоченными соснами, берёзами, клёнами, надыхаясь настоящим воздухом.

По парковым аллеям брели расслабленно, говоря нет-нет о каких-то мелочах, по-детски радовались смелой белке, перелетающей с дерева на дерево, настойчивому стuku невидимого дятла. Скоро впереди показался долговязый юнец на арендованном электросамокате, мчавшийся им навстречу вместе с такой же юной девчонкой — она пристроилась сзади, цепко обхватив его талию. Глаза парочки сияли счастливым восторгом и озорством. Рулевой «средства индивидуальной мобильности» по-гусарски проказливо и рискованно выпял, желая, видимо, эффектно объехать прогуливающихся коллег прямо перед их носом, восхитить бесшабашной удалю свою спутницу. Заметив, что Марина поблбдела и растерялась, Глеб стремительно сдёрнул с плеча свою вместительную сумку для документов и замаяхнулся ею на подызающего лихача. Тот с возмущённой, оскорблённой миной на лице резко увёл в сторону самокат и, удаляясь от нервного дядьки, обернулся несколько раз, бормоча что-то раздражённо.

Сию же минуту последовала одобрительная реакция людей, проходящих рядом: «Правильно! Надо было огреть его сумкой!», «Охамели совсем!», «Ещё огрызается, хулиган!». А пожилая дама, крепко державшая за руку трех-четырёхлетнего малыша, рассерженно посетовала: «В парке уже нельзя отпустить детей от себя. Вот напасть!». И горячо прибавила, глядя на Марину: «Вы знаете, сколько весит этот самокат? Тридцать кэгз,

если не больше! Из металла почти весь. Это ж какая дура! Таран настоящий! А скоросты».

Коллеги шли дальше, а Марина не могла успокоиться:

— Какая мобильность?! Катаются по большей части, режутся и гонки ещё устраивают — сама видела!.. И дело ведь не только в них. Пешеход сворачивает, курс меняет произвольно, частень-

где-то курьер на электровелосипеде громоздком наехал на пенсияонера — умер тот в реанимации. Ничего необычного. Не редкость это теперь.

— Я лучше интернета знаю, что и как было, с подробностями. Приятель у меня родом из города, где всё случилось.

— Расскази.

— Слушай... Сорвиголова, типа того, что я шуганул, сбивает на электросамокате — взяла напрокат — молодую женщину и её

Вячеслав МИХАЙЛОВ

Представляешь!

Рассказ

ко резко, «поворот» не включает — привык так ходить по своей территории. Его манёвры другим прохожим не мешают. Но даже безупречному ездуку на электросамокате трудно на них среагировать, уйти от столкновения... Удалыцы шальные — это всё же нечто! Я просто не знаю, что делать, когда нарываюсь на них! Особенно, если группой летят навстречу. Как проедут, хочется прямо донять, поколотить одного хотя бы.

— А толку? — вяло махнул рукой Глеб и, чуть пройдя, улыбнулся: — И я бы юнцом гонял на таком самокате, дурачился — была бы возможность... Пороть надо тех, кто зелёный свет даёт нашествию этой техники тяжелой, быстроходной на пешеходные зоны.

— Это не про нас, — иронично вздохнула Марина. — Поворчим, поругаем, погрозим и продолжим терпеть... Терпили.

— Катги, недавно как раз прилетело, кому надо, — оживился, сделав десяток шагов, Глеб. — В провинции. Информация была в интернете. Электросамокат сшиб прохожих и вышел невероятный совершенно исход... Не попалалась?

— Да, нет вроде... Читала, как электросамокат врезался в школьница — сотрясение мозга, поломанная нога у него... и ещё

восьмилетнюю дочь. Обе — в больнице с жуткими травмами. Несчастный муж и отец — некий инженер по фамилии Зернов — узнаёт, что лихачу светит ничтожное какое-то наказание и решает сам с ним рассчитаться — самосуд, короче. Раздобыл травматический пистолет, адрес лихача... И тут ему попадается по телику пресс-конференция мэра города. Там возникла трагичная для Зернова тема. Один из журналистов спросил, не надо ли убрать электросамокаты с тротуаров: пешеходы, мол, плохо с ними уживаются, называют абсолютно инородным элементом, жалуются, что много опасных наездов. А мэр самоуверенно так и дослаиво отвечает: «Ну что это — всё за-прещать. Не приходит же в голову автомобилисту запрещать из-за ДТП. Надо регулировать...». Вводим ограничения кой-какие, штрафы за превышение скорости, номера вот появились у техники — хозяев сервисов прокатных озадачили, и прочее». Журналист вьедливый не отстаёт: «Толку-то мало: штрафовать практически некому — автоинспекция пешеходными зонами не занимается, нарушают, носятся сломя голову — не боятся, по двое ездят, бывает. Сколько ещё людей пострадают?». Мэр категоричен: «Не будем запрещать. Даже в Москве

вон не запрещают». Зернов поглядел, послушал и подкараулил... не лихача ненавистного, а мэра, палнул по нему из травматика несколько раз. Представляешь, страсти-мордасти!.. Мэр — в больнице. Через пару дней, после обследования, был уже дома, а вскоре и на работу вышел. Стрелял Зернов не с близкого расстояния, обошлось без серьёзных ранений. Стрелко арестован, идёт следствие. Он ничего не скрывает, всё по порядку излагает, не винится. Обвиняют его в покушении на убийство — большой срок грозит. И вдруг... выходит Зернов на волю — совсем отпустили!

— Как это?! — изумилась Марина.

— Оказывается, — продолжил азартно Глеб, выдержав короткую интригующую паузу, — мэр добыл видеозапись допроса, где Зернов объясняет свою атаку. Посмотрел, послушал, и всё сделал, чтоб уголовное дело стрелка прекратили. И не скрывал это. Представляешь!

— Не может быть! — воскликнула ошешившая Марина. — Думаешь, понял он, что хлопотал заслуженно?

— Почему нет? — пожал плечами Глеб.

Коллеги подошли уже к выходу из парка, где пути их расходились, и он остановился.

— Я ж не досказал ещё... Месяц не истёк после освобождения Зернова, как в городе практически исчезли и электросамокаты, и электровелосипеды. Запретили их прокат, а развезаха всюду как раз арендованная техника, за малым исключением. Тют-тют почти, представляешь!.. Изредка встречаются на тротуарах личные экземпляры — этих пока не тронули. Они легче намного прокатных... Ещё курьеров на электровелосипедах переместили на дороги... и мэр предложил компаниям по прокату взять в аренду и обустроить для своего самокатно-велосипедного бизнеса пару пустырей на городской окраине.

— Чудеса! — воскищённо качала головой Марина. — А может, испугался мэр, что последователи у Зернова найдутся?

— Мне милей думать, что разобрался, — быстро проговорил Глеб и, переключаясь на свои заботы, стал прощаться: «Я потопал, Марин, успеть надо в одно место заскочить. Пока, до завтра.

— Да, да, конечно. Пока... — помахала она ладонью. — Хорошего вечера!